

реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно, косвенно формирует отношение к социально-помогающей деятельности.

Статья 152 Семейного кодекса РФ (ред. от 05.05.2014) [6] регулирует условия принятия детей на воспитание в приемную семью, что также формирует позитивное отношение и общественное внимание к социально-помогающей деятельности.

Рассмотрев вышеперечисленные документы в области российского законодательства, целесообразно сформулировать вывод, что в рассмотренных источниках права Российской Федерации закреплены основы регулирования благотворительной деятельности; определены возможные формы поддержки благотворительной деятельности органами государственной власти и местного самоуправления; обозначены формы содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества; раскрыто понятие благотворительной деятельности, гуманитарной помощи.

Однако можно отметить отсутствие законодательного регулирования и механизмов осуществления права участия в социально-помогающих практиках, что не может способствовать повышению социальной активности населения в этом вопросе. А также не проявлен интерес к механизмам общественного контроля и общественного участия в социально-помогающих практиках, отсутствуют нормативные механизмы поощрения благотворительности.

В целом рассмотренные нормативные правовые акты не являются прямым призывом к благотворительной деятельности и гуманитарной практике, однако несомненно, что это, во-первых, декларация определенной позитивной позиции государства по отношению к социально-помогающим

практикам как к социальному феномену. Во-вторых, трансляция законодательных инициатив оказывает влияние на мотивацию населения в социально-помогающем поведении; происходит расстановка ценностей и приоритетов в сознании общества. Тем самым можно конкретизировать и обозначить правовой механизм конструирования социально-помогающих практик.

Эффект функционирования такого механизма – развитие в обществе высокой социальной активности человека, его гражданской ответственности, нравственности и духовности. А также укрепление социально-помогающих убеждений граждан, обладающих позитивными ценностями и качествами, способных проявить их в социально-помогающих практиках в интересах современного общества (в целях укрепления государства, обеспечения его безопасности и устойчивого развития).

Литература

1. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. 2013. № 282.
2. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
5. Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1999. № 50. Ст. 6221.
6. Семейный кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

T. V. FOGEL. LAW MECHANISM OF SOCIO-HELPING PRACTICE FORMATION

The author considers the construction of socio-helping practices, which occurs not only due to internal sources of self-development, but also with some support of the state, using state-legal mechanism of formation.

Key words: socio-helping practice, law mechanism of their formation, charity.

К. М. МАРТИРОСЯН

КОНЦЕПЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена анализу становления концепции символического капитала. В ней исследуется проблема осознания оценки символической стоимости различных сфер человеческой деятельности в связи с разнообразием форм символического капитала, включая стоимость репутации, территории, бренда.

Ключевые слова: нематериальные активы, символическая стоимость, меновая стоимость, социальный статус.

Символические формы взаимодействия в социальных сообществах являлись важнейшим

элементом социально-культурных систем. Это находило отражение в использовании симво-

лической репрезентации социальной иерархии и социальных статусов, что выражалось в использовании символической одежды, символических ритуальных предметов и символических действиях, связанных с религиозными и повседневными и праздничными социальными практиками и ритуалами. Задолго до появления денег как специфической универсальной символической формы меновой стоимости. Использование символических изображений, украшений, одежды, ритуально-символические действия не только наполняли социально-культурную деятельность человека социальным смыслом, но и обеспечивали социальную стратификацию в рамках процессов социально-культурной дивергенции и конвергенции, социально-культурную идентификацию.

Исследуя средства обмена внутри социальной системы и между образующими ее подсистемами, Т. Парсонс обратил внимание на центральную роль в этих процессах символических средств обмена, эквивалентных, но не сводимых к деньгам, к которым он отнес политические власть и влияние и ценностные предпочтения и идентификаторы, сформулировав тем самым теорию символических средств обмена [1]. Это позволило придать всей структурно-функциональной теории известную динамику [2]. Как полагал Дж. Александер, вывод Т. Парсонса о символических средствах обмена позволял предположить и наличие производства и производителей этих символических средств [3].

Американский социолог К. Поланьи заключил, что «ни один объект не является по существу деньгами, а любой объект при соответствующих обстоятельствах может функционировать как деньги. Воистину, деньги – это система символов, аналогичных языку, письменности или весам и мерам» [4].

Во второй половине XX века идея символического капитала уже витала в воздухе. С. Московичи писал, что «деньги – это произвольный знак, который изобретается и замещает другие знаки в самых разнообразных формах», причем в соответствии с действием закона унификации осуществляется «переход осязаемых денег в деньги символические, а затем в деньги семиотические, каковыми и являются наши деньги», которые «обеспечивают, особенно в современном мире, преобладание системы представлений, т. е. условностей и символов, над совокупностью предметов и действительных отношений» [5].

В начале 1980-х П. Бурдьё в симптоматично названной главе «Символический капитал» своей работы «Практический смысл» впервые выделяет особую форму капитала – символическую, под которой он предлагает понимать престиж и образ человека или организации, соответствующий конвенциональным формам признания честности и легитимности [6]. При этом он предлагает рассматривать символический капитал, подобно товару-услуге как обещание, своего рода оферту [7]. Как указывал

Р. Йенсен, «рынок товаров в современном обществе мечты сменяется рынком историй», где «главным рассказчиком историй становится брэнд» [8].

Позднее в статье «Формы капитала» П. Бурдьё называет среди различных форм неосязаемых активов или неосязаемого капитала символический капитал. Под символическим капиталом П. Бурдьё предложил понимать «капитал в любой его форме, представляемой (т. е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием» что «предполагает влияние хабитуса как социально сконструированной когнитивной способности» [9]. П. Бурдьё полагал, что в роли символического капитала могут выступать все другие виды капитала [10]. При этом символический капитал встроен посредством хабитуса в социальное пространство, позволяющее формировать символический капитал с помощью символического конструирования, легитимировать его и накапливать в качестве универсального ресурса.

В. В. Радаев, развивая методологию П. Бурдьё, в рамках экономико-социологического дискурса предлагал понимать под символическим капиталом «способность человека к производству мнений... В этом отношении все прочие виды капитала зависят от символического капитала» [11]. Как не без основания полагал П. Бурдьё, социальные механизмы современных социальных систем обеспечивают воспроизводство символического универсума, в которых конструируется символический капитал [12]. В качестве символического капитала может функционировать любой вид капитала (экономический, человеческий, культурный, социальный), когда он воспринимается как имеющий разделяемую другими акторами социальной системы ценность социальными агентами. При этом государственные институты и их агенты, которые наделены средствами навязывания и внушения устойчивых принципов интерпретации и означивания, выступают как центр концентрации символического капитала [13].

Современные исследователи полагают, что «символический капитал стал силой в некоторых случаях даже превышающей значение других форм накопления» [14]. Растет роль нематериальных активов в деятельности фирм, создающих брендовые товары, потому что символическая стоимость становится главным источником прибыли [15]. Особое значение символическому капиталу приписывают в политических науках, в спорте и на рынках произведений искусства и в культурных индустриях [16].

Литература

1. *Parsons T. Social Structure and the Symbolic Media of Interchange* // Blau P. (Ed.). *Approaches to the Study of Social Structure*. NY., 1975. P. 98–99.
2. *Alexander J. G. Theoretical Logic in Sociology*. Vol. 4. *The Modern Reconstruction of Classical Thought*: Talcott Parsons. 1983. P. 115.

3. Там же.
4. *Polanyi K.* Primitive, Archaica and Modern Economics. Boston, 1971. P.175.
5. *Московичи С.* Деньги как страсть и как представление // Машина, творящая богов. – М., 1998. С. 376, 403–406.
6. *Бурдьё П.* Практический смысл. М. – СПб., 2001. С. 234.
7. Там же.
8. *Йенсен Р.* Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. СПб., 2004. С. 15.
9. *Бурдьё П.* Формы капитала // Экономическая социология. Электронный журнал. 2002. № 5. С. 60 // URL: <http://www.ecsos.msses.ru>.
10. *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. Вып. 2. С. 141.
11. *Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Т. 3. № 4. С.20–32. // URL: <http://www.ecsoc.msses.ru>
12. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Ed. And introduced by J. B. Thomson / P. Bourdieu. Cambridge(Mass), 1991.
13. *Bourdieu P.* Deux imperialismes esdel’universel // *Faure C., Bishop T.* L’Amérique des Français. Paris, 1992. P.149–155. *Bourdieu P.* Surlepouvoirsymbolique // *Annales.* 1977. № 3. P. 405–441.
14. *Еремеева В. Ф.* Символический капитал: растущие котировки // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2011 года. Пенза – Прага, 2011. С. 140–143.
15. *Горц А.* Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // М., 2007. № 4 (61). С. 38.
16. *Гравер А. А.* Символические капиталы путинской России в мир-системе XXI века. Опыт изучения // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 99–118.

K. M. MARTIROSYAN. CONCEPT OF THE SYMBOLICAL CAPITAL IN MODERN SOCIOLOGY

Clause is devoted to the analysis of becoming of the concept of the symbolical capital. In it the problem of comprehension of an estimation of symbolical cost of various spheres of human activity in connection with a variety of forms of the symbolical capital, including cost of reputation, territory, a brand is investigated.

Key words: non-material actives, symbolical cost, exchange value, social status.

Т. А. НОВОЖЕНОВА

РЕФЛЕКСИЯ ПО ПОВОДУ РЕФЛЕКСИИ

(о книге А. В. Соколова «Философия информации»)

В статье содержится критический анализ основных положений книги, обосновывается верность атрибутивного понимания природы и сущности информации, отстаивается методология синергетики как основы теоретических представлений о генезисе и развитии библиографической информации.

Ключевые слова: философия, информация, методология, теория отражения, синергетика, библиография, библиографическая информация.

Не ставя задачу полного рецензирования труда А. В. Соколова по философии информации, мы все же не можем не признать, что у нас, как и у ее рецензента Т. Ф. Берестовой [1], возникла рефлексия, чем обусловлено название данной публикации. Так, отталкиваясь от понимания Т. Ф. Берестовой «чистой рефлексии» в смысле размышления, полного сомнений [2], мы также выразили некоторые сомнения касательно ряда моментов как самой книги, так и этой рецензии.

Т. Ф. Берестова справедливо отмечает, что А. В. Соколовым проделана большая работа по изучению и обобщению многолетних взглядов мыслителей и ученых на природу и сущность информации [3]. Но при этом красной линией всей его книги проходит мысль, что никто из них не раскрыл информацию, не определил ее природу и сущность [4]. Соответственно этому он делает вывод, что природа и сущность информации до

сих пор неизвестны, в связи с чем и ставит в книге задачу – философски осмыслить ее природу и сущность, дать истинное определение информации.

Свое исследование А. В. Соколов начинает с генезиса информационной теории и практики в родительском лоне кибернетики, в рамках которой, по его словам, выработался особый информационно-кибернетический стиль мышления, воплотившийся в информационном подходе как методологическом инструменте научного познания. В кибернетическом лоне, как он считает, зарождались и первые понятия об информации. В свою очередь, по А. В. Соколову, информационный подход породил свой продукт – информацию, поэтому она, по его утверждению, не существует вне информационного подхода. Следовательно этот подход является первичным по отношению к информации [5].

Данный вывод представляется более чем сомнительным, поскольку кибернетика как наука об